

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЛОГО ДУХОВЕНСТВА в XVIII — начале XX в.: ЗАКОН И ТРАДИЦИЯ (по материалам Олонецкой епархии)

М.В. Пулькин

Современная ситуация, связанная с ростом влияния Церкви, вынуждает исследователей снова и снова обращаться к тем вопросам религиозной жизни, которые сегодня приобрели практическое значение. В их числе проблема доходов священников занимает далеко не последнее место. Задача данной статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать различные способы получения средств к существованию, использованные православным духовенством в течение длительного периода (XVIII — начало XX в.).

Известно, что вершители судеб России во все времена не слишком отягощали себя заботами о благосостоянии священно- и церковнослужителей. Автор Духовного регламента (1721 г.) ограничился лишь кратким упоминанием о проблемах, связанных с обеспечением клириков. От прихожан требовалось представить в консисторию сведения о количестве руги или земли, предназначенных клирикам, «за руками прихожан и за рукою ставленника, что он хочет быть доволен руги оныя или земли»¹. В дальнейшем происходила доработка законодательных норм. В XIX в. на этот вопрос обратили значительно более пристальное внимание. Так, Устав духовных консисторий предписывал церковному начальству следить за тем, «чтобы священнослужители и причетники имели все способы содержания, какие для них определены законами, и пользовались оными так, как установлено»². При этом в каждом приходе имелись свои собственные устоявшиеся способы обеспечения духовенства.

Земельные наделы с древности стали источником доходов клириков. В условиях севера этот источник доходов не мог стать стабильным. Хаотичное на-

деление клириков земель, существовавшее по воле прихожан на протяжении столетий, постепенно, начиная с XVII в., заменялось рациональной нормой закона³. В XVIII в. этот процесс продолжился: межевые инструкции предписывали «к построенным во владельческих селениях после писцовых книг церквам, к которым земли не дано, а церковнослужители ругой не удовольствованы, а состоят на пашне», отводить участки не более 30 десятин⁴. Это мероприятие позволяло не только изменить к лучшему имущественное положение священно- и церковнослужителей, но и уменьшить их зависимость от прихожан. Российское законодательство XIX в. делит все земли, находящиеся в ведении представителей духовенства, на две категории. Одна — «земли, принадлежащие им по прежним дачам и писцовым книгам», другая — «земли, отводимые к ним для довольствия от прихожан в установленной межевыми знаками пропорции»⁵. Представление об этих категориях земель унаследовано от предшествующего периода и является законодательным закреплением существующей традиции обеспечения духовенства. Все отведенные Церкви земли составляли «неприкосновенную церковную собственность» и ограждались законом «от всяких посторонних притязаний»⁶.

Реальная ситуация, сложившаяся к 90-м гг. XVIII в., когда генеральное межевание в Олонецкой губернии завершилось, явствует из ряда источников. Прежде всего это ведомости о состоянии приходов, в которых указывалось наличие или отсутствие в распоряжении приходского духовенства планов и карт отмежеванных к церкви земель. Мною

¹ Духовный регламент. М., 1897. С. 94.

² Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство: Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 30.

³ См.: Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 319–320.

⁴ Инструкция землемерам к генеральному всей империи земель размежеванию // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ-1). Т. 17. № 12 570.

⁵ Александров Н. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб., 1860. С. 120.

⁶ Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству. СПб., 1883. С. 158.

обнаружены материалы судебных дел, связанных с посягательством прихожан на земли духовенства⁷. Невозможно не заметить, что результаты генерального межевания оказались для духовенства незначительными. В ряде случаев там, где межевые знаки появились, крестьяне проигнорировали результаты мероприятий. В подавляющем большинстве доходов не имелось ни планов, ни карт, а в некоторых, как говорилось выше — и самой «установленной пропорции земли». В такой обстановке старинные писцовые книги оставались веским аргументом на протяжении всего изучаемого периода. Объяснить этот парадокс можно следующим образом. Во-первых, данные писцовых книг учитывались при генеральном межевании: инструкция предписывала «ко всем церквам, которые состоят в действительном служении, церковные земли утверждать по писцовым книгам и по дачам»⁸. Во-вторых, использование писцовых книг, в отличие от новых карт генерального межевания, сочеталось с обычными правовыми нормами, в соответствии с которыми давность владения являлась одним из основных критериев при решении земельных споров⁹. Если необходимые документы отсутствовали, вопрос о праве пользования церковной землей решался исходя из норм обычного права. Так, судя по указу Петрозаводской нижней расправы, в 1787 г., после того как в Типиницкой волости разгорелся спор между духовенством и крестьянами, в суде допросили стариков, «имеющих себе веку от рождения шестидесяти и с лишком до девяноста лет». Они показали, что «земля поступила во владение церковнослужителям добровольно от общества крестьян и более следует ко владению церковнослужителям»¹⁰.

В XIX — начале XX в. порядок наделения земель, доставшийся в наследство от предшествующего периода, сохранялся во вполне узнаваемом виде. При этом сами представители духовенства, в особенности его низшее звено — дьячки и пономари — рассматривали хлебопашество как вполне приемлемый, обычный и стабильный источник

своих доходов. Как говорилось в отчетах благочинных, «материальный быт духовенства довольно сношен ... причты пользуются выгодами от церковной земли»¹¹. В начале XX в. в провинции начали раздаваться голоса, протестующие против такого порядка вещей, при котором духовенство постоянно занимается крестьянскими земледельческими трудами, отвлекаясь от пастырских обязанностей. Священник В. Мегорский подробно изложил недостатки такого положения. Духовенство, в отличие от крестьян, не имеет ни «привычки и сноровки» в обработке земли, ни свободного времени. Обработка церковной земли «посредством помочей, устраиваемых по праздничным дням за угощение прихожан водкою», также нецелесообразно. Ведь это приводит к непочитанию праздничных дней, во время которых верующие должны посещать богослужения. Более того, «земля служит причиной раздора и недоразумений между пастырями и прихожанами», что приводит не только к межличностным конфликтам, но и к судебным разбирательствам. Вывод статьи очевиден. Духовенство следует обеспечить государственным жалованьем, а в ответ оно должно отказаться от всех имеющихся в их распоряжении сенокосов, лесных наделов и пашен¹².

Итак, специфические — отличные от крестьянских — способы пополнения находящихся в пользовании священно- и церковнослужителей угодий встречаются редко. Землевладению духовенства присущ дуализм в той его форме, которая характерна и для всей системы крестьянского землепользования. С одной стороны, священно- и церковнослужители участвовали в частичных перераспределениях земли исходя из возможностей несения тяглых обязательств. С другой — имело место не связанное с внесением денег в «мир» землепользование, существующее на основании норм обычного права: индивидуальное пользование рощистями, прикупными участками.

Руга. Аналогичные закономерности прослеживаются и при изучении другого вопроса, связанного с обеспечением духовенства — наделения клира

⁷ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 63. Оп. 3. Д. 50/439. Л. 5; ф. 647. Оп. 1. Д. 13/62. Л. 1; ф. 584. Оп. 6. Д. 7/157. Л. 31; д. 10/211. Л. 2; оп. 3. Д. 98/1474. Л. 1; д. 87/1287. Л. 8; оп. 4. Д. 2/8. Л. 2; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 76. Д. 20. Л. 1–4.

⁸ ПСЗ-1. Т. 17. № 12 659.

⁹ См.: Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1. СПб., 1877. С. 44.

¹⁰ НА РК. Ф. 63. Оп. 3. Д. 50/439. Л. 7–7об.

¹¹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 25 (Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 г.).

¹² См.: Мегорский В. О церковной земле // Олонецкие епархиальные ведомости (далее — ОЕВ). 1906. № 12. С. 475–476.

ругой. Здесь проявляются заметные различия жизненного уклада паствы и духовенства. Хотя «материальный достаток большинства приходского духовенства оставлял желать много лучшего, “попа” от паствы дистанцировал сам способ получения вознаграждения за выполнение своих обязанностей»¹³. Существенным отличием от устоявшегося порядка предоставления земельного участка является полное отсутствие законодательной регламентации периодических выплат деньгами или зерном от прихожан духовенству. В XVI–XVII вв. «руга назначалась совершенно произвольно и была предметом свободного договора и даже торга»¹⁴. Лишь Духовный регламент, не ломая устоявшихся традиций, предписывал требовать от ставленника расписку в том, что он «хочет быть доволен» предназначенной ему ругой. Выяснение фактических размеров руги сильно затруднено. Епископ слабо интересовался размерами содержания, выплачиваемого духовенству прихожанами, а они в свою очередь не спешили вводить владыку в курс дела.

О регулярности сбора руги историк может судить лишь по отрывочным упоминаниям в источниках. Ясно, что руга чаще всего собиралась в церковные праздники. Лишь в редких случаях священно- и церковнослужители получали причитающиеся им зерно и деньги только один раз в год. Так, клирики Коткозерской волости Олонецкого уезда доносили в 1799 г. в Олонецкое духовное правление, что в их приходе «священнику с причетники из оной (находящейся при церкви. — М.П.) земли пропитания со своими семействами снискивать весьма трудно, а прочих доходов никаких не имеется, кроме только в Христовый Преображения Божий праздник, и то весьма малое количество»¹⁵. В XIX в. календарный план сбора руги оставался неизменным. Так, в 1847 г. лодейнопольские священники А. Коткозерский и П. Николаевский рапортовали консистории, что в Шустручском приходе местный священник «со-

бирал добротного подаяния по издревле ведущемуся обыкновению, как то: в Рождество Христово, в Св. Пасху, в часовенные праздники, в Филиппов пост, и во св. Четырдесятницу по прочтении молитв, сверх того о Петровом дне и осенью»¹⁶.

Обычно в исторических исследованиях руга представляется как однородная, общая для всех приходов разновидность выплат прихожан духовенству¹⁷. Источники позволяют утверждать, что руга, как и земельные наделы, предоставлялась священно- и церковнослужителям на различных условиях. Прихожане Олонецкой епархии в XVIII–XIX в. откровенно противопоставляют в своих прошениях «рядную ругу» и «добротное подаяние», размеры которого совершенно не фиксировались. Так, прихожане Ялгубской выставки Шуйского погоста в 1755 г. сообщали в «выборе», что в их приходе «определенной денежной и хлебной руги не имеется, а дается от нас, прихожан, добротное хлебное и денежное подаяние»¹⁸. В Вырозерском приходе в начале XIX в., по данным ведомости о состоянии церковных приходов, не установлено руги, но священно- и церковнослужители получают «добротное подаяние»¹⁹. По сути дела «добротное подаяние» стало средством контроля: прихожане могли отказать неугодному священнику в дополнительном вознаграждении, а желающий получить «надбавку» священник был вынужден «угождать своим прихожанам, раболепствовать»²⁰.

Аналогичные закономерности сохранились и в XIX в. По данным рапорта петрозаводского благочинного, который знал ситуацию из личного опыта, «добровольные подаяния вещественные хороши с материальной точки зрения, но не могут быть одобрены с нравственной». И это вполне объяснимо. «Собрание этих добровольных подаяний сопряжено с большим унижением, а часто с язвительными насмешками над ним со стороны дателей»²¹. По утверждению историка С.В. Римского, основанному

¹³ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 188.

¹⁴ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в XVI–XVII вв. М., 2002. С. 153.

¹⁵ НА РК. Ф. 300. Оп. 2. Д. 1/5. Л. 23–23об.

¹⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 7. Д. 45/10. Л. 10 (Рапорт священников консистории).

¹⁷ См.: Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв. М., 2002. С. 169.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 402. Л. 2–2об.

¹⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 97/2079. Л. 18.

²⁰ Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003. С. 39.

²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 157 (Рапорт по 3 петрозаводскому благочинническому округу).

на многочисленных свидетельствах современников, повсюду в России «процедура сбора даяний походила на изнурительный марафон», причем во время сбора руги приходилось мириться с недружелюбием прихожан, их гонором и резкими высказываниями²². Олонецкие материалы подтверждают существующие в литературе негативные суждения о порядке сбора руги. Так, петрозаводский благочинный указывал, что при сборе продуктов с прихожан священнику приходится заходить в некоторые дома по нескольку раз, добываясь выплат²³.

Сборы за требы. Наатуральные (или денежные) сборы с прихожан являлись одной из древнейших форм обеспечения духовенства средствами к существованию. Наряду с ними сохранялась плата за требы — важный источник доходов клириков. В течение веков плата за крещение, венчание и погребение по церковному обряду оставалась неопределенной и зависела от местной традиции и — в ее рамках — от договоренности между священником и прихожанами в каждом конкретном случае. В Духовном регламенте говорилось лишь о намерении ввести регулярный фиксированный сбор с каждого приходского двора в пользу клира, поставив под контроль государства и эту сторону взаимоотношений между священнослужителями и прихожанами и освободив последних от платы за требы.

По сути дела до соответствующего распоряжения светской власти вопрос целиком решался по желанию прихожан: «Прихожане могли дать за требоисправление, но могли и не дать ничего или дать очень мало»²⁴. В начале царствования Екатерины II ситуация коренным образом изменилась. В 1765 г. она подписала закон, делающий одним из источников доходов духовенства фиксированную плату. Например, за молитву над роженицей — 2 коп., за свадьбу — 10, за погребение младенца — 10, взрослого — 30 коп. Лишь размеры платы за

молебен-поминание родителей не определялись в законе. Прихожане сами, совместно со священником, решали этот вопрос. Запрещалось взимать деньги за исповедь²⁵. В 1828 г. в связи с заметным ростом цен плата за требоисполнение увеличилась²⁶. Аналогичные законы издавались позднее. Важно заметить, что речь шла о минимальной плате, ограничивающей лишь притязания священника. Прихожане по доброй воле могли вносить и больше. Это обстоятельство специально оговаривалось в церковном законодательстве: «Богатым и усердствующим предоставляется на волю давать причтам и более положенного, только б сие происходило от их усердия без всякого домогательства со стороны причтов»²⁷.

Введение таксы стало, по мнению ряда исследователей, неудачным мероприятием правительства Екатерины II в церковной сфере, заложившим новую отрицательную тенденцию. Под словами А. Дианина, который считал, что «такса ставила приходское духовенство в тяжелое экономическое положение ...получавшихся при существовании таксы доходов было крайне недостаточно для обеспечения духовенства»²⁸, могли бы поставить свои подписи П.В. Знаменский и А.А. Папков. Первый считал, что такса уменьшала доходы духовенства по сравнению с теми суммами, которые вносились в соответствии с обычаем²⁹, а второй называл введение таксы «несимпатичной мерой»³⁰. Проведенное нами исследование не подтверждает столь мрачные оценки. Источники позволяют утверждать, что такса не использовалась в качестве аргумента в спорах между клириками и прихожанами из-за размеров оплаты требы. Если прихожане возмущались «непомерным к сребролюбию лихоимством» или «лакомством» священника, то они просто указывали суммы, которые он требовал, без ссылок на конкретные расценки. Как справедливо пишет

²² Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 114.

²³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 157 (Рапорт по 3 петрозаводскому благочинническому округу).

²⁴ Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898. С. 39.

²⁵ ПСЗ-1. Т. 17. № 12378.

²⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Т. 1. Пг., 1915. № 184.

²⁷ Там же.

²⁸ Дианин А. Малороссийское духовенство во второй половине XVIII в. (По пунктам малороссийского духовенства, представленным в екатерининскую комиссию для составления проекта нового Уложения). Киев, 1904. С. 90.

²⁹ См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 686.

³⁰ Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.): историческая справка. М., 1899. С. 55.

С.В. Римский, «правительственные тарифы нигде не соблюдались»³¹.

Повсеместно в течение всего XIX — начала XX в. наблюдалась общая тенденция — стоимость треб в абсолютных цифрах неуклонно росла³², но одновременно росла и цена продуктов питания. При этом сохранялась одна закономерность сугубо житейского, практического характера. Плата за требы «так и выставлялась, как плата в настоящем ее смысле, и прихожанин прямо спрашивал у священника, сколько, например, стоит у него обвенчать свадьбу»³³. Во время обсуждения финансовых аспектов взаимоотношений духовенства и прихожан могли проявиться и реально возникали непростые ситуации, конфликты между сторонами. Вопрос о плате за требы они решали таким же образом, как и проблему стоимости любой другой услуги, в которой нуждалось местное население. Делопроизводство консистории изобилует материалами о вымогательствах клиром денег, продуктов питания и вина при совершении треб. Но и служители Церкви видели негативную сторону этого трудоемкого процесса, сопряженного к тому же с многочисленными опасностями и конфликтами. Как сообщил епископу петрозаводский благочинный, по его округу в 1879 г. в среднем священник зарабатывает при совершении треб от 80 до 120 руб., но при этом теряет слишком много времени на посещение удаленных от приходского храма деревень. При таком порядке выполнение профессиональных обязанностей становилось невыгодным. Ведь то же самое время, «употребленное на хозяйственные нужды, могло бы составлять немалую доходность»³⁴.

Порядок взимания руги и плата за требы ставили священника в тяжелое, унижительное положение, вынуждали просить подаяние или конфликтовать с прихожанами. Не менее существенно и другое. Выплаты по сути дела становились средством повседневного контроля прихожан над белым духовенством. Этот контроль становился самым действенным, ведь он затрагивал самые важные сферы жизни любого служителя Церкви, вынуждал его повседневно думать о мнении прихожан, предугады-

вать их желания и оставаться на их стороне в самых разных трудных жизненных ситуациях. Власть не могла мириться с таким положением. Многовековой традиции обеспечения клира за счет крестьян она противопоставляла свои формы и способы решения материальных проблем духовенства.

Казенное жалованье. Тяжелое, унижительное положение духовенства, связанное с нестабильностью выплат от прихожан, могли облегчить лишь государственные средства. К началу реформ 1860-х гг. главное требование духовенства «состояло в том, чтобы получать жалованье»³⁵. Этот вопрос власти пытались решить. Но поскольку реформы проводились в крайне неблагоприятный в финансовом отношении период, единственная возможность полноценного обеспечения духовенства виделась в сокращении численности представителей духовного сословия и увеличении жалования оставшимся за счет сэкономленных средств. Руководствуясь этими принципами, созданное специально для разработки проекта реформ Олонецкое губернское присутствие по делам православного духовенства подготовило к 1871 г. первый в Российской империи «Проект расписания приходов», в соответствии с которым вносился новый, как казалось, более рациональный, порядок в стихийно сложившуюся в течение столетий приходскую систему. Предполагалось резко сократить численность городского духовенства, некоторые городские церкви должны были стать «приписными». Ко времени появления «Проекта...» при городских церквях Олонецкой епархии служили 35 клириков, а после реформы предполагалось оставить лишь 20 представителей белого духовенства. Аналогичные сокращения предполагалось произвести и в сельских приходах. Из 225 приходов Олонецкой епархии, «по новому распределению деревень между церквями по местному удобству и применяясь к желаниям жителей», предполагалось образовать 158 укрупненных приходов, сократив при этом численность клириков с 669 до 483 человек³⁶. В такой обстановке, как пишут современные исследователи, белое духовенство «заметно оживилось и настойчиво стало пугать грядущим упадком церковности в русском обществе»,

³¹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. С. 115.

³² См. там же. С. 212.

³³ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. С. 684.

³⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 157 (Рапорт по 3 петрозаводскому благочинническому округу).

³⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 104.

³⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 149. Л. 230–230об.

а прихожане «стали жаловаться на дискомфорт при увеличении расстояний до ближайших церквей»³⁷. Скоропалительные изменения приходской системы оказались кратковременными: уже в 1884–1885 гг. все закрытые приходы были восстановлены³⁸.

В течение всей второй половины XIX в. расширение казенного жалования происходило неуклонно и сопровождалось небольшим, но постоянным ростом тарифной ставки³⁹. Особую роль в этом процессе играл К.П. Победоносцев, благодаря активности которого «государство, ранее неохотно ассигновавшее средства на церковные нужды, начало наращивать финансирование духовного ведомства»⁴⁰. В то же время обер-прокурор «не хотел» полностью переводить приходское духовенство на казенное жалование⁴¹. В России по состоянию на 1904 г. «дотации от государства получало лишь около 60% духовенства, причем на каждый причт в среднем приходилось около 430 руб., что было совершенно недостаточно для минимально обеспеченного существования»⁴². В Олонецкой епархии ситуация к концу XIX в. оказалась несколько более благоприятной. В 1895 г. казенное жалование получал причт 244 церквей, а общая сумма выделенных на эти цели средств составила 80 767 руб.⁴³

К началу XX в. казенное жалование постепенно, особенно в наиболее бедных приходах, вытесняло традиционный способ обеспечения приходского духовенства. Так, в Гимольском приходе Повенецкого уезда причт существовал и объезжал дома прихожан для совершения треб исключительно за счет скудного казенного жалования, которое дополняли случайные приработки. В то же время, как видно из описания прихода, земли у местного причта не имелось, «сборов с прихожан никогда

никаких не производится, потому что, по бедности населения, не могут быть вознаграждены даже издержки, потребные для разъездов по приходу для сборов». Чтобы как-то прокормиться, приходской псаломщик вынужден, «оставив свою прямую обязанность, ходить вслед за неграмотным сельским старостой для исправления должности писаря»⁴⁴. Судя по публикациям в епархиальной прессе, казенное жалование стало подспорьем в повышении уровня жизни духовенства, но и оно, в совокупности с другими доходами, не могло решить все насущные проблемы. Священники в начале прошлого столетия стабильно жаловались на недостаточность казенного жалования, указывали на бедственное материальное положение и постоянные «укоризны со стороны прихожан при получении платы за требоисправления»⁴⁵. На существенное повышение жалования могли рассчитывать только иереи, более-менее свободно владеющие карельским языком. Вопрос об увеличении жалования этой категории духовенства поставили депутаты Видлицкого съезда духовенства⁴⁶.

Для остальных клириков избавление от нищеты виделось в увеличении казенного жалования⁴⁷. Ответ начальства на просьбы клириков неизменно оказывался малоутешительным: «Возбуждать ходатайство об увеличении жалования при нынешних стесненных финансовых обстоятельствах государства бесцельно»⁴⁸. По данным Д.В. Поспеловского, к 1914 г. ежегодная государственная дотация Православной церкви несколько превышала 18 млн. рублей, «но для выплаты минимального жалования священникам, диаконам и псаломщикам ... нужна была дотация в 50 с лишним миллионов»⁴⁹. В этом же году олонецкая епархиальная печать, анализируя

³⁷ Никулин М.В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.). М., 2006. С. 210.

³⁸ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 149. Л. 334. Об этом также см.: Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 226.

³⁹ См.: Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки церковной этнографии. СПб., 2005. С. 360.

⁴⁰ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 225.

⁴¹ См. там же. С. 240.

⁴² Там же. С. 243.

⁴³ Ведомость о причтах, получавших содержание из сумм Государственного казначейства // Всеподданнейший отчет обер-прокурора К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. С. 142.

⁴⁴ Надпорожский П. Гимольский приход Повенецкого уезда // ОЕВ. 1900. № 6. С. 227.

⁴⁵ Обиженный. Разбитые мечты и обманутые надежды. // Там же. 1911. № 32. С. 555.

⁴⁶ См.: Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // Там же. 1907. № 14. С. 363.

⁴⁷ См.: Постановление Олонецкого Епархиального начальства (от 4–10 мая за № 128). С. 349.

⁴⁸ Там же. С. 350.

⁴⁹ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 23.

проблему, приходила к малоутешительным выводам. Оклады содержания духовенства «не удовлетворяют и не могут удовлетворять самым насущным потребностям духовенства епархии, даже взятые вместе с другими источниками его содержания. А дороговизна жизни все растет и растет»⁵⁰. В такой ситуации приходилось рассчитывать только на собственные силы. И в ход шли всевозможные способы получения дополнительного дохода.

Прочие источники дохода. Альтернативой всем прочим видам доходов стали самостоятельные поиски средств к существованию. Священники постоянно, как до, так и после введения казенного жалования, пребывали в поиске новых доходов, проявляя при этом незаурядную изобретательность. В некоторых случаях размах предпринимательской деятельности священно- и церковнослужителей был более впечатляющим. Так, в 1788 г. крестьяне Остреченского Рождественского погоста указывали в прошении, адресованном консистории: «оной пономарь и сын его дьячок Кирила Флоров имеют у себя суда, оными торгуют, возят соль по городам дистанциям... и в доме своем соль имеют, и по деревням возят и продают, а от церкви Божией имеют немалую отлучку»⁵¹.

К середине XIX в. приходское духовенство настолько свыклось с занятиями торговлей, что при обсуждении проектов реформ 60-х гг. XIX в. его представители добивались «расширения прав в сфере предпринимательства, торговли, владения собственностью», видя в этом важную составную часть повседневной жизни служителей церкви и надеясь пополнить их скудный бюджет. Олонецкая епархия не стала исключением. В 1879 г. один из олонецких священников отмечал, что большая часть причетников, «за ограниченностью средств к своему содержанию» рыбачит, выполняет малярные, стекольные работы, занимается сапожным ремеслом и другими «разными ремеслами, приличными по своему званию»⁵². В некоторых описаниях приходов содержатся обобщенные указания на источники доходов причетников. Так, судя по описанию Яндебского прихода, составленному в 1863 г., местный дьячок

«скудное содержание снискивает более трудами от своих и сторонних работ»⁵³.

* * *

Поводя итоги, отметим, что общие оценки уровня благосостояния приходского духовенства не отличаются большим разнообразием. Бедность клириков, по мнению П.В. Знаменского, которому принадлежит наиболее подробное исследование этого вопроса, обуславливалась государственными мероприятиями. «В течение всей древней истории духовенство, — утверждал П.В. Знаменский, — всем своим достатком, который у него был, обязано единственно нашему доброду и благочестивому народу». Но в течение XVIII в. неумелое руководство Церковью разрушало «единственную поддержку духовенства — любовь и добрототство общины». Такая политика привела к результатам, нежелательным и для властей, и для духовенства. Бедность духовенства увеличивалась и «в свою очередь увеличивала его унижение и зависимость от прихода»⁵⁴.

Здесь в центре внимания исследователей — обеспеченность клира. Такое смещение акцентов заслуживает более существенную проблему: взаимоотношения духовенства и прихожан. Сближение методов хозяйствования таило в себе две возможности. С одной стороны, клирики могли оказывать на верующих самое значительное, решающее воздействие, стать своеобразными посредниками между прихожанами и духовной (а также и светской) властью. С другой — они сами могли подпасть под влияние прихожан, отказываясь в угоду их пристрастиям не только от той роли, которую священно- и церковнослужители, в соответствии с законом, призваны играть в государстве, но изменяя даже и порядок требоисполнения. Ведь как и в XVII в., в течение всего изучаемого периода основную часть средств к существованию служителей Церкви составляли «доходы не нормированные, законодательно не закрепленные, предоставляемые духовенству не в обязательном порядке, а добровольно, по обычаю»⁵⁵, не поддающиеся точному учету.

© Пулькин М.В., 2012

⁵⁰ Дроздин И. К вопросу о материальном обеспечении духовенства Олонецкой епархии // ОЕВ. 1914. № 23. С. 546–550.

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 243. Л. 25.

⁵² Там же. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 44 (Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 год).

⁵³ Там же. Оп. 15. Д. 57/1248. Л. 33–33об.

⁵⁴ Знаменский П.В. Законодательство Петра Великого относительно православного духовенства // Православный собеседник. 1863. № 10. С. 129.

⁵⁵ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в XVI–XVII вв. М., 2002. С. 111.